Рамон Мария дель Валье-Инклан

БУМАЖНАЯ РОЗА
Мелодрама для марионеток

Перевод с испанского
Ирины Куберской
Игоря Куберского

Дизайн автора

Действующие лица

Симеон Хулепе.

Умирающая.

Муса.

Диса.

Лудовина-трактирщица.

Пепе-лавочник.

Старуха.

Проныра.

Хор детей.

Голоса с улицы.

Тусклый свет утра. Холод, дождь, порывы ветра. На перепутье – кузница Симеона Хулепе. Симеон совмещает ремесло кузнеца с пением в хоре и услугами парикмахера для усопших. Бледный, опустившийся, со стихией анархиста и характерным покашливанием алкоголика, он – оратор таверны и фанатичный приверженец анисовки. Своим странным видом Симеон Хулепе представляет некий меланхолический тип то ли могильщика, то ли палача; он уже принял на душу четыре стопки. Колотит по железу. Изможденная женщина, приподнявшись на убогом ложе, стонет, затыкая руками уши.

© И.Ю.Куберская, И.Ю.Куберский, перевод, 2008–2009
© kubersky.spb.ru, 2008–2009

Умирающая. Ты меня в гроб загонишь, изверг! Голова раскалывается! Прекрати этот адский стук!

Хулепе. Труд облагораживает человека.

Умирающая. Пьяница! Видит, что умираю, так ему работать приспичило, а то торчал бы в таверне!

Хулепе. Клеветой Симеона Хулепе не очернить.

Умирающая. Боженька мой, возьми меня отсюда!

Хулепе. Не будет такого счастья.

Умирающая. Преступник!

Хулепе. Ну, преступник... А кто за мной бегал?

Умирающая. Обманщик! Только этим и силен!

Хулепе. Флориана, подумай о последствиях...

Умирающая. Ну, какой из тебя христианин?

Хулепе. Не плохой...И не хороший.

Умирающая. Рода ты поганого.

Хулепе. Вынужден отлучиться, чтоб не смазать тебе по образу...

Умирающая. Постой!

Хулепе. Только не канючь мне.

Умирающая. Послушай!

Хулепе. Было б что...

Натягивая кепку, Хулепе направляется к двери. Роняя на порог брызги, холодный ветер треплет серый занавес дождя. Умирающая со стоном приподнимается.

Умирающая. Да выслушай...

Хулепе. Ну, и что там у нас новенького в Кадисе?

Умирающая. Сходи за священником... Погоди... В этом узелке у меня зашито семь тысяч реалов.

Хулепе. Эх, славно бы...

Умирающая. Сколько пота пролито ради них. Сколько грязи месила я на этих распутьях. Они мне жизни стоят.

Хулепе. Ну, прям... Травиата...

Умирающая. Вот она, твоя благодарность.

Хулепе. Ты что, всерьез?

Умирающая. Всё, что на моем поту замешано, ты же в таверне спустишь.

Хулепе. Так... Где узелок?

© И.Ю.Куберская, И.Ю.Куберский, перевод, 2008–2009
© kubersky.spb.ru, 2008–2009

Умирающая. Пусть у меня будет. Подожди! Можешь пощупать! Только не забирай. Твой будет. Подожди, пока глаза закрою. Можешь пощупать.

Хулепе. Похоже, денежки!

Умирающая. Семь тысяч реалов... Сколько пота...

Хулепе. Ну, ты форменно героиня!

Умирающая. Не забирай. Недолго осталось. Щупай, щупай, сколько хочешь.

Хулепе. А ты хорошо посчитала?

Умирающая. Семь тысяч реалов.

Хулепе. Не ошиблась?

Умирающая. Они у меня считаны-пересчитаны.

Хулепе. И все настоящими банкнотами?

Умирающая. Банкнотами по сто.

Хулепе. Ну, героиня! Другой такой нет! Героиня из героинь!

Умирающая. Симеон, позаботься о детях. Не пропей мои труды в таверне.

Хулепе. А вот это ты уже что-то не то говоришь...

Умирающая. Знаю я тебя, Симеон Хулепе.

Хулепе. И я свой долг знаю.

Умирающая. То, что ты тратишь в таверне, ты же у детей крадешь. Имей совесть.

Хулепе. Уж в этом смысле меня трудно упрекнуть.

Умирающая. Позови священника.

Хулепе. Твои желания для меня закон. Ты заслуживаешь гораздо большего. Можешь не сомневаться. Я уважаю любые формы предрассудков.

Умирающая. Кепку снимешь, когда предстану перед царем небесным?

Хулепе. Ну, я культурный человек, Флориана.

Умирающая. Пойдешь мимо дома тетушки Пепе, скажи, чтобы вымыла личики детишкам и одела их во все новое. Божьи ангелы, одни-одинешеньки остаются в этом мире...

Хулепе. Флориана, ну с таким апофеозом… ты меня доконаешь. Говоришь, как будто ты уже труп. Некорректно.

Умирающая. Священника позови.

Хулепе. Ну, тебе до этого еще далеко. А узелок с деньгами – куда ты его сейчас положила?

Умирающая. Под копчиком он у меня. Поторопись, Симеон, хочу отойти по-божески.

Хулепе. Ну, чисто героиня!

Умирающая. Да иди же!

© И.Ю.Куберская, И.Ю.Куберский, перевод, 2008–2009
© kubersky.spb.ru, 2008–2009

Хулепе натягивает кепку и, пошатываясь, выходит. Когда звук его шагов стихает, Умирающая встает с топчана, сжимая в руках узелок с деньгами. В ночной рубашке, поднимается неверной поступью по лестнице на чердак. Доноситься ее жалобные стоны, поскрипывают доски перекрытия под ее неровными, с передышкой, шагами. Продрогшая, она вновь появляется на лестнице и осторожно спускается. Она едва дополазает до топчана и почти скрывается среди разбросанного тряпья. С меткой смерти на осунувшемся личике, она сосредоточенно пересчитывает потолочные доски, отмечая взглядом то место, где только что перепрятала свои сокровища. Две ушлые прорвы-соседки, две серые фигуры, промокшие под дождем, возникают в дверях, всем своим видом выражая недовольство промозглой сыростью, отряхиваясь и кутаясь в отсыревшую, липнущую к телу одежду. Снаружи доноситься детский смех и скребущий звук кастрюли, которую волокут по земле. Раздается запах жареных сардин. Муса и Диса, то есть Пепинья Мус и Хуана Дис – это имена вошедших соседок.

Муса. Ну и правильно, что с постели не встаешь, Флориана. Как настроеньице?

Умирающая. Помираю.

Муса. Да, что-то с лица ты не очень...

Диса. А что доктор? Ничего не прописал?

Умирающая. Прописал помирать.

Муса. Зачем тебе доктор, Флориана? Если уж хочешь потратиться, так лучше закажи мессу святому Власию – всяко больше пользы, чем от докторов да аптекарей.

Диса. Не, без доктора здесь не обойтись. Помнишь, когда представилась тетя Крусес, доктор-то не дал свидетельства, суд вмешался. На такие траты пришлось пойти...

Умирающая. Суд всегда найдёт повод, чтобы урвать чужое.

Муса. А тебе самой не пора ли причаститься, если уж еле дышишь?

Умирающая. Симеон пошел за священником.

Диса. А ты исповедалась?

Умирающая. Еще вчера вечером. За все отчиталась... И в том мире, и в этом.

Муса. Значишь – готова...

Умирающая. Исполняю божий наказ.

Муса. Похвально такое послушание. Хоть час твой и не пробил, уже то хорошо, Флориана, что ты готова.

Умирающая. Кончаюсь...

Диса. А теплую водичку принимала?

Муса. Глоток анисовой тебя бы согрел.

Умирающая. Кота прогоните с постели!

Диса. Где ты видишь кота?

Муса. Это она бредит, **Диса.** Посмотри, как зрачками ворочает, будто в трансе.

Умирающая. Прогоните этого кота!

© И.Ю.Куберская, И.Ю.Куберский, перевод, 2008–2009
© kubersky.spb.ru, 2008–2009

В это время возвращается с улицы Симеон Хулепе; кепка на бровях, походка пьяного. Завидев соседок, топает ногой и хватает себя за волосы.

Хулепе. Это что за хрень! А ну-ка назад! Руки вверх!

Муса. Полегче, пьяная рожа!

Хулепе. Тридцать шагов от кровати, марш!

Симеон достает из-под полы пиджака кулек с бубликами и, дважды споткнувшись, сует его умирающей.

Хулепе. Флориана, скажи мне, будь любезна, что здесь делают эти прихлебалки?

Умирающая. Прогоните этого кота!

Муса. Это она про тебя.

Хулепе шарит между одеялами, под этим, уже непонятно из какого мира, телом, стенающим от боли. Выпрямляется и начинает рвать на себе волосы.

Хулепе. В богомать! Добрались! А ну, закрыть дверь! Назад то, что сперли! Пот и кровь этой героини, хлеб детей моих!

Муса. Ну, нажрался!

Хулепе. Присоски непотребные!

Диса. Сам такой и есть. Не наводи напраслину, хапуга!

Хулепе. Семь тысяч реалов, зашитых в узелке! Кто спер?

Муса. Узелок?! Сколько там, говоришь?

Хулепе. Семь тысяч реалов!

Муса. Сбрендил!

Диса. Набрался!

Хулепе. Семь тысяч реалов и все сотками.

Муса. Это когда ж ты в лотерею выиграл, Симеон?

Диса. Да где это ты вообще видел семь тысяч реалов? На картинке?

Хулепе. В богомать! Берегла, собой жертвовала, великомученица. Флорианита, пошли подальше этих прихлебалок!

Диса. Да растолкуй ты ему, Флориана... Какой узелок? Не видели мы ни какого-такого узелка...

Муса. Оставь ее. Она уже того... Похоже, уже и речи лишилась.

Хулепе. А ну, вернуть, что сперли!

© И.Ю.Куберская, И.Ю.Куберский, перевод, 2008–2009
© kubersky.spb.ru, 2008–2009

Пепинья де Мус, наклонившись над топчаном, прикасается к застывшим рукам, впившимся в кулек с бубликами, - ждет, что они зашевелятся, приподнимает одну – та обвисает, как ощипанное крыло.

Муса. Обнажи голову и встань на колени, Симеон Хулепе.

Хулепе. С какого такого рожна?

Муса. Отошла.

Хулепе. Ангела моего теряю.

Диса. Уже холодная. По мне-так она померла, когда этот нехристь явился. Когда вот, помнишь, глубоко вздохнула, душу-то, видать, и отдала.

Симеон срывает с себя кепку. Мгновение мелодрамы. Не сводя с пройдох соседок глаз, отходит с перекошенным лицом и запирает дверь. Пошатнувшись, опирается спиной о стену и прячет ключ за пояс.

Хулепе. Так... А теперь поищем. Если не найдем, я вас одной пулей прошью и потрохами вашими закушу.

Диса. Да не лютуй ты, пьянчуга окаянный. Смерть уважь!

Муса. Дай хоть за душу покойной помолиться, Хулепе.

Хулепе. Если узелок не появится, я вас изувечу!

Симеон шарит между одеялами, его руки рыщут в тряпье, переваливая с боку на бок тело умершей.

Хулепе. В богомать! И здесь ничего! Готовьтесь к смерти, присоски непотребные!

Диса. Типун тебе на язык, пропойца!

Хулепе. А ну-ка молитесь: «Иже, там, еси на небеси...»

Муса. Сначала ты поищи получше, нехристь!

Хулепе. Жульё!

Диса. Это все у тебя от скорби души, нечистый.

Муса. Где лежал узелок-то этот, там он и лежит. Давай-ка перенесем покойницу.

Приподымают тело, жалкая хватка сцепленных на кульке рук размыкается, бублики сыпятся из кулька на пол. На бледных скрюченных пальцах выделяются отросшие ногти. Из-под задравшейся рубашки торчат палки ног; согнутые в коленях, они походят на сломанные свечи.

Диса. Куда бы ее положить? На пол как-то не по-божески.

Муса. Положим на лавку.

© И.Ю.Куберская, И.Ю.Куберский, перевод, 2008–2009
© kubersky.spb.ru, 2008–2009

Переносят тело покойной на узкую лавку к самой стене. Хулепе перетряхивает белье, переворачивает топчан.

Хулепе. Здесь нет... Здесь нет... Ни где нет... Сперли! Правопреступно сперли! То есть смерть вам, прихлебалки!

Диса. Господи, помогите! Соседи, на помощь! Это дом Хулепе! Он нас сейчас прикончит, этот ирод!

Муса. Ну, Хулепе, я тебе так засовом накостыляю!

Во время схватки двух прорв-соседушек с пьяницей тело покойницы падает с лавки и лежит, распростершись, едва прикрытое ночной рубашкой. На лестнице, ведущей на чердак, появляются три голые детских фигурки. Грязные патлы волос, искривленные в плаче рты, моргающие, заплаканные глазки.

Хор детей. Ой, моя мамочка, моя мамочка, моя мамочка...

Хулепе. Будьте же свидетелями, мои невинные детки, как я порешу этих мерзких баб!

Соседки-прорвы, каждая в своем углу, готовы к бою. Пепинья де Мус вооружилась палкой. Хуана Дис приподнимает кузнечный молот.

Диса. Только попробуй, пьянь, только подойди – я тебя так огрею...

Муса. Я буду не я, если не проткну тебя насквозь!

Хулепе. Украли, украли, украли!

Хор детей. Моя мамочка, мамочка, мамочка...

Хулепе. Сирот не пожалели, в богомать! Вы мне жизнью за это заплатите!

Открывает сундук возле топчана и вытряхивает его содержимое. Среди прочего хлама обнаруживается старый револьвер. Этот романтических ствол Хулепе носил ещё до женитьбы. Хулепе наводит его с гневным наслаждением героя мелодрамы.

Хулепе. Семь пуль!

Хор детей. Папочка, папочка, папочка!

Диса. Забулдыга, какой пример сиротам подаешь!

Хулепе. Смерть, я сказал! Смерть без пощады! Смерть, и ни какой римский папа вам не поможет!

Муса. Ну, зарядил... Пошарил бы получше. Узелок с деньгами – если уж он был, так и найдется.

Диса. Не виноватые мы, пьянь... Если бы покойница заговорила, так подтвердила бы.

Муса. Поищи в сене. Рубашку-то опусти покойной, а то срамота одна.

Диса. И деткам-то какой пример...

© И.Ю.Куберская, И.Ю.Куберский, перевод, 2008–2009
© kubersky.spb.ru, 2008–2009

Муса. Положим ее на лавку.

Хулепе. Хладный труп, только ты можешь открыть эту высшую тайну!

Хулепе дергает себя за волосы. Из группы всхлипывающих и плачущих детей выделяется один тоненький голосок.

Тоненький голос ребенка. Узелок с деньгами мамочка спрятала в чулане на чердаке.

Хулепе. Что ты сказал, ангел небесный?

Диса. Ты нас спасаешь, чистая душа.

Хулепе бросается к лестнице. Одолевает ее в два прыжка, расталкивая по пути детишек, сгрудившихся у чердачного окна. Исчезают его парусиновые тапочки. Вокруг дома возрастает шум соседей. Стуки в дверь и в окно.

Голоса с улицы. Что там у вас стряслось? Вы там живые или мертвые? Кто на помощь звал?

Муса. Две несчастные женщины!

Диса. Грозился жизни нас лишить, пьянчуга Хулепе!

Голоса с улицы. Окстись, Хулепе, дверь открой!

Муса. Отдала богу душу Флориана.

Диса. Оставила мешок с деньжищами.

Голоса с улицы. Окрывай дверь, Хулепе, не быкуй!

Диса. Так он на ключ нас запер, чтобы прикончить.

Муса. Этот палач захотел свежей свининки при свечах.

Диса. Чудом в живых остались.

Голоса с улицы. Хулепе, открой! Открой, Хулепе!

Хулепе. Ловите ключ.

Сверху падает ключ. Хулепе у чердачного окна вспарывает ножом тряпичный узел. Обнаружив деньги, прячет их за пояс.

Хор детей. Мамочка Флориана, мамочка Флориана!

Хулепе. Правильно делаете, что плачете по ней, бедные отпрыски. Примерная жена и мать по всем статьям. Всем героиням героиня!

Раскинув руки, Хулепе бросается с лестницы и падает к ногам покойницы. Поднимается, сжимая ее в своих объятьях. Сбившиеся в кучу соседи молча поглядывают в открытую дверь, не решаясь войти, и в этой тишине пафосом резонирует пьяный голос.

© И.Ю.Куберская, И.Ю.Куберский, перевод, 2008–2009
© kubersky.spb.ru, 2008–2009

Хулепе. Флориана, всем ангелам ангел, нет у меня слез, чтобы оплакать эту непоправимую утрату. Нет и все... Нет мне утешения. Я последнее животное. Задубелое сердце. Флориана, без тебя эта семья - не семья. Вернись к жизни, Флориана!

Возле покойной склонились прорвы-соседки Хуана Дис и Пепинья Мус. Одна поддерживает падающую голову усопшей, другая – ее пожелтевшие ступни. Укладывают на топчан окоченевшую восковую фигуру и накрывают простыней. Хулепе весь выражение деловитости и покорности роковой судьбе – мнет кепку, бросает взгляд на небо и выходит.

Диса. Нельзя оставлять его одного – он сам не свой.

Муса. Закажи гроб, Хулепе.

Держась стенки, с улицы входят несколько босых и оборванных ребятишек. На их лицах выражение любопытства, страха и злорадства. Группа из трех обнявшихся детишек распадается под лучем дневного света. Все вместе они вылезают из-под одеяла, спускаются и становятся рядом с телом покойницы.

Хор детей. Мамочка Флориана, мамочка Флориана!

Диса. Одеть бы их надо.

Тоненький голос ребенка. Потом мамочка достала из чулана нашу новую одежду.

Муса, выходившая за мантильей, возвращается с ней и начинает причитать. Другая соседка кропит святой водой окоченевшее тело. Третья, приподнимает край простыни и вглядывается в лицо усопшей.

Соседка. Гладенькая какая. И тридцати не исполнилось. Какие кавалеры за ней ухлестывали, а она этого выродка предпочла.

Диса. Затмение нашло.

Соседка. Ну что? Может, обрядим ее сейчас, пока не закоченела. А то потом, глядишь, и не справимся.

Диса. Знать бы, что Хулепе скажет.

Соседка. Хотите, ждите, что выдаст этот пропойца, а я начну ее готовить.

Муса. Подожди, я помогу, сестрица.

Соседка. Обрядим ее в то, что отложила, как подобает. А то достанется какой-нибудь ханыжке.

Хор детей. Мамочка Флориана, мамочка Флориана.

Муса распахивает мантилью, как крылья, над головами трех сирот и заводит ритуальный речитатив.

Муса. Невинные ангелочки, да сохранится навеки в вашей памяти момент последнего прощания у изголовья вашей матери. Утратили вы самое дорогое в этом мире – любовь материнскую. Запечатлейте последний поцелуй на челе этой молодой розы-великомученицы.

© И.Ю.Куберская, И.Ю.Куберский, перевод, 2008–2009
© kubersky.spb.ru, 2008–2009

Группка из трех сирот жмется и хнычет под черными крыльями мантильи. Пепинья де Мус подталкивает малышей к усопшей и, разведя руки, обращается к соседям.

Муса. Ну и черствые сердечки.

Соседка. Что ты хочешь от этих бедных созданий... Яблоко от яблони...

Диса. Ну, нашли время остолбенеть.

Муса. Упрямцы. Запечатлейте последний поцелуй на челе своей матери. Повторяйте за мной: мамочка незабвенная, да помоги нам с небес, да будь нашим ангелом, да храни нас от всех искушений, выпадающих на жизненном пути в этой юдоли слез... Дотумкайте наконец! Ее же в землю зароют!

Хор детей. Мамочка Флориана, какая она холодная.

Муса. Прорвало наконец этих упрямцев.

Диса. Да испуганы они.

Соседка. Одеть бы их.

Тоненький голосок ребенка. А потом мамочка достала нашу новую одежду.

Соседка. Хозяюшка была, все в дом...

Муса шлепает голозадую малышню, подталкивая их вверх по лестнице на чердак.

Соседка. Созданья божии, не ведают, что теряют.

Диса. Двадцать тысяч реалов приберегла. Хулепе нам чуть глотку из-за них не перегрыз, пока не нашел...

Лудовина-трактирщица. Никогда бы не подумала, что в этом ларчике столько...

Соседка. Хозяюшка была, все в дом...

Пепе-лавочник. Многовато больно.

Диса. Двадцать тысяч реалов. Прямым ходом в таверну.

Пепе-лавочник. Это еще как сказать. Если он захочет, может и пантеон поставить для этих останков.

Соседка. Ну и загнул...

Диса. Не такое уж горькое горе у этого Хулепе.

Пепе-лавочник. Вам, женщинам, кое-что не по уму.

Соседка. И то верно. Меня, прям, дрожь прошибла, когда он покойницу обнимал, - чисто как снятие с креста.

Диса. Ну, какой-никакой, а человек все же.

Старуха. Да, семь потов пролила ты в этой жизни, Флориана.

Переговариваясь, соседки, обряжают покойницу, обтирают ей лицо краем влажного полотенца. Приподнимают, чтобы надеть лиф и новую юбку. Одна из них приносит под мантильей два свечных огарка и с виноватым видом передает их распорядительницам. Еще одна

© И.Ю.Куберская, И.Ю.Куберский, перевод, 2008–2009
© kubersky.spb.ru, 2008–2009

торопливо выбегает и возвращается с бумажной розой, чтобы украсить ею сцепленные окоченевшие пальцы рук. По обе стороны от покойной мигают свечные огарки.

Соседка. Диса, поищи-ка чулки... Куда запропастились ботинки? Смотри-ка, неношенные! Вот она жизнь... Могла ли представить, что в новехоньких да прямо в могилу.

Диса. Зато в них перед самим Богом представиться. Куда как лучше!

Входит старуха, неся на голове гроб, обитый бархатом. За ней следом - мальчишка, держа крышку от гроба. Тройка сирот, уже наряженных в новое, на головах вышитые шапочки, на ногах деревянные башмаки, плачут в луче света из чердачного окна.

Хор детей. Мамочка Флориана, мамочка Флориана...

Пингона. Ай, сиротки, душу разрывают. Куда поставить-то, Диса?

Диса. Где место, там и ставь.

Пингона. А где вдовец.

Диса. Захоронение оформляет.

Пингона. Интересно, как он за это платить будет. Люкс заказал. Посмотрим, как денежки отслюнит, когда до дела дойдет. Четырнадцать песет за гроб с одними стенками. Так он по девятнадцать заказал – с натуральным дном!

Диса. Пустяки – ему много больше перепало.

Пингона. Так покойница взаправду ларчик ему оставила? Аж две тыщи песо...

Диса. Знать бы, сколько...может, и больше...или меньше.

Пингона. Да, Флориана, умела ты денежки беречь.

Соседка. Хозяюшка была, все в дом.

Пингона. Знала, с кем дружбу водить...Да что ж я - еще и не помолилась за упокой ее души.

Опускается на колени в ногах покойницы. Колеблющиеся язычки свечного огня подчеркивает недвижный профиль, чистый и почти прозрачный. В судорожно сцепленных пальцах рук пламенеет бумажная роза. Помолившись, Пингона крестится.

Пингона. Руки-то как у сеньориты...

Соседка. До замужества такой мадамой ходила, а потом – ни слуху, ни духу.

Пингона. Гляди, и мертвая улыбается. Умыта да прибрана – ну, чисто Дева Мария. А наряд-то какой! Косынка купленная, юбка праздничная, нижняя, вся в кружевах, ботиночки новые, чулочки в полоску, прямо невеста...

Соседка. Хозяюшка была, все в дом.

Пингона. Да, знала, с кем дружбу водить. Помолюсь-ка еще разок за упокой ее души.

© И.Ю.Куберская, И.Ю.Куберский, перевод, 2008–2009
© kubersky.spb.ru, 2008–2009

Входит, спотыкаясь, Симеон Хулепе. Голова его торчит из венка на плечах, представляющего собой жестяную листву и анютины глазки, перевитые траурной лентой, - кустарная поделка в дурном немецком стиле. Он еще больше пьян.

Хулепе. Образцовая супруга. Я воздам тебе последние почести на кладбище. Объединенный хор друзей исполнит тебе «Марсельезу». Я, преисполненный скорби, не покину своего поста! Твой дух, что воспарил над этим миром, где так страдает угнетенный пролетареат, достоен того, что бы незабвенный супруг пожертвовал на эту траурную церемонию мизерную толику твоих потов. По всем статьям – образчик супруги: получите, сдачи не надо… Тебе воздадут должное, всего будет сполна. Твой безутешный вдовец это тебе гарантирует. Объединенный хор друзей преподносит тебе этот венок, коим удостаивают только почетных граждан за особые заслуги.

Симеон водружает венок в ногах покойной и, теребя кепку, делает шаг в сторону, чтобы все оценили произведенный им эффект. Застывшие, как на алтарных образах, соседи безмолвствуют. В гробу с позолоченными кистями усопшая кажется восковой фигурой, исполненной лубочного драматизма. Цветная косынка, прикрывавшая голову и грудь, высоко поднятые от затянутых волос брови, пальцы с бумажной розой, утопающие в кружевных манжетах, нелепые лакированные ботинки...- все это создает впечатление кричащего диссонанса, рождая какую-то недоступную уму эстетику.

Хулепе. Флориана, таким ангелочком я тебя созерцаю, с этой розой в руках. Флориана, звезда моя сияющая, эти сердобольные женщины так красиво тебя обрядили. Все соседи соболезнуют мне, бедному вдовцу. Объединенный хор друзей подносит тебе этот венок за заслуги. Молчишь! Безучастная в своем гробу, не внемлешь рутине этого заполитизированного мира. Я превозмогаю мою боль и говорю: «Существует только Ничто!» Не возмущайтесь соседи: таков последний крик философской мысли.

Муса. Да заткнись ты, пропойца. Даже покойнице тошно...

Хулепе. Я держу свое слово, Флориана. Таким ангелочком я тебя созерцаю с этой розой и в полосатых чулочках. Кажется, что ты вот-вот на сцену выйдешь, небесное видение. Все у небесных врат будут потрясены. В богомать! Когда ты появишься, да пройдешься своей походочкой, они там все охренеют!

Пингона. Будь они нехристи, так бы оно и было.

Соседка. Типун тебе на язык, Хулепе.

Хулепе. В богомать! И это небесное создание было моей супругой?! И не знал я, что она такая беленькая телом была. Ну, как примадонна, с этой розой и чулочками в полоску!

Муса. Ты чего-то не того хватил.

Хулепе. А ну, проваливайте, святошки и фарисейки!

Диса. Да заткнись ты, не скандаль!

Хулепе. Здесь я распоряжаюсь!

Соседка. Охолони, Симеон!

Диса. Будь мужчиной.

Хулепе. Я и есть мужчина!

Муса. Какой пример подаешь...

© И.Ю.Куберская, И.Ю.Куберский, перевод, 2008–2009
© kubersky.spb.ru, 2008–2009

Хулепе. Разойдись! Я у себя дома и мне принадлежит это небесное видение, с этой розой и чулочками в полоску. Ты – как перл на подмостках!

Диса. Бесстыдник!

Хулепе. Это мое! Законное! Ангел набальзамированный, что они рядом с тобой, эти профурсетки с их песенками. У... В богомать! Сюда, лекари да аптекари, кто лучше всех забальзамирует это совершенство?! Что деньги! Плевать на них! Пять тысяч тому, кто лучше сохранит ее в хрустальном гробу! На все пойду! У тебя будет хрустальный гроб, Флориана! Я в праве просить твоей любви! Все вон отсюда!

Несколько неверных шагов к усопшей. Падает свеча, и в мраморных руках вспыхивает ярким огнем бумажная роза. Загораются одежды, горит гроб. Объятый языками пламени вопит Симеон Хулепе, обнимая труп. Разводя руками, соседи в ужасе отступают. Над кузницей зарево пожара.

© И.Ю.Куберская, И.Ю.Куберский, перевод, 2008–2009
© kubersky.spb.ru, 2008–2009